

*ЗАЙКОВ Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, директор Арктического центра стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 56 научных публикаций**

РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XXI века¹

В статье представлен обзор российских исследований XIX – начала XXI века по истории российско-норвежского пограничья периода XVIII – начала XX века. Автором определено, что доминирование эмпирического позитивизма в описании истории разграничения двоеданных погостов привело к формированию достаточно устойчивых и односторонних интерпретаций процесса делимитации в работах первой половины XX века. Воспринимая государство как априорно-объективное явление, историки и правоведы рассматривали границу как статичный инструмент политической власти, игнорируя мультипространственность явления и вариативность его субъектов. В отечественной историографии доминирует убеждение в существовании долговременной исторической стратегии Норвегии, которая направлена на экспансию в восточном русском направлении. Отталкиваясь от современности, российские историки подвергают оценку пограничной конвенции 1826 года чрезмерной политизации, повторяя в этом своих предшественников начала XX века. История разграничения в исследованиях выглядит оторванной от общего хода истории российско-норвежских отношений XVIII–XIX веков, в т. ч. от истории региона. За исключением небольшого ряда ученых, подавляющее большинство историков хронологически сужает проблему разграничения двоеданных погостов периодом 1822–1826 годов. В данном контексте описываемый историками период находится вне общей пространственно-временной событийности XVIII и начала XIX века. Этот пробел историки заполняют довольно синтетической преемственностью событий XIV–XVII веков событиями начала XIX века. Таким образом, автор приходит к выводу, что в методологической перспективе данная тема остается неразработанной в отечественной историографии и требует пристального внимания для создания качественной реконструкции истории развития российско-норвежского пограничья от территории с фронтальной конфигурацией политических рубежей в XIII – начале XIX века до пространства с герметичными политическими границами в XX веке.

Ключевые слова: *российская историография, российско-норвежские отношения, российско-норвежское пограничье.*

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10198 «Политические и этнокультурные границы Российской Арктики: от концептуализации к реконструкции процесса пространственной социализации»).

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: k.zaikov@narfu.ru

Для цитирования: Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в отечественной историографии XIX – начала XXI века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 2. С. 27–39. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.2.27

В истории большинства стран пограничное пространство было главной предпосылкой для формирования межгосударственных отношений, и история российско-норвежских отношений не исключение. Более 500 лет проблема делимитации территорий общего фронта между Россией и Норвегией (рус. «двоеданные погосты»; норв. «двоеданные округа») занимала центральное место в отношениях двух северных соседей, и даже после демаркации границы в 1826 году вопросы, связанные с регулированием трансграничных отношений, в первую очередь саамских промыслов, оставались одними из главных в повестке складывающихся российско-норвежских дипломатических отношений.

Общая граница, установленная очень поздно по отношению к другим регионам Европы, несмотря на противоречивость ее физической конфигурации, ущемление интересов приграничного населения и противоречие позиций участников делимитационного процесса, все же продемонстрировала наибольшую устойчивость и жизнеспособность. Эта линия просуществовала до 1920 года. В эпоху революционных потрясений прилегающий к границе 1826 года Печенгский участок был передан Финляндии. На 24 года Норвегия и Россия перестали быть «тесными соседями», но в 1944 году ситуация изменилась (СССР вернул себе Печенгский участок), а уже в 1946 году линия границы 1826 года снова была признана границей между СССР и Королевством Норвегия и остается границей Норвегии и России по сей день [1, р. 62–63].

Как правило, факт демаркации границы – компромисс двух сторон, в котором всегда есть сторона, получившая меньшую выгоду. Почти всегда скрытое или явное недовольство результатами разграничения постепенно переходит в плоскость последующих научно-исторических и политических дискуссий, сопровождаемых попытками отдельных политических субъектов

исправить существующие рубежи. Полемика в оценках разграничения 1826 года между норвежскими и российскими учеными не прекращается и сегодня [2].

В начале XXI века всплеск интереса к теме обеспечила динамика российско-норвежских отношений последних трех десятилетий, характеризующаяся переменным ростом сотрудничества и кооперации и в то же время соперничества в вопросе о разграничении в Баренцевом море, вопросе, который в конце концов завершился подписанием договора о делимитации морской границы в 2010 году. В связи с этим автор статьи ставит перед собой цель изучить отечественную историографию вопроса о российско-норвежском пограничье в хронологических рамках XVIII – начала XX века и определить современное состояние изученности темы в отечественной исторической науке.

Наиболее значимой работой по истории российско-норвежского пограничья в дореволюционной историографии является публикация известного краеведа и этнографа Русского Севера А. Подвысоцкого, размещенная в нескольких выпусках «Архангельских губернских ведомостей» за 1877 год. А. Подвысоцкий ввел в научный оборот целый комплекс документов из архива губернской канцелярии и генерал-губернатора, которые позволяют реконструировать процесс принятия решений по вопросу разграничения двоеданных погостов на региональном уровне в России в период с 1822 по 1826 год². В то же время с точки зрения концептуальности работа А. Подвысоцкого отличается существенной фрагментарностью и противоречивостью представленных выводов и фактов.

А. Подвысоцкий приходит к выводу, что проблема двоеданных погостов – надуманный вопрос, поставленный норвежско-шведской стороной в начале XIX века с целью отторжения части русских владений. Вырывая из контекста внешнеполитической ситуации конца XVI –

²С 1613 года площадь «общих владений» включала небольшой район вдоль р. Нявдема (норв. Нейден), р. Паз/Пасвь (норв. Пасвиг) и р. Печенга (норв. Пейсен). В начале XIX века эти территории входили в состав Кольского уезда Архангельской губернии (Российская империя) и в состав провинции Финнмарк (Швеция – Норвегия).

начала XVII века Тявзинский мирный договор между Швецией и Россией (1596), А. Подвысоцкий полагает, что к моменту переговоров в XIX веке политическая граница на севере уже давно существовала. Косвенным доказательством этого он называет жалованную грамоту Печенгскому монастырю середины XVI века. В то же время исследователь считает, что русские власти попросту «забыли о существовании границы» в XVIII и начале XIX века, поэтому пошли на поводу Швеции и Норвегии в 1823–1824 годах.

Начав с исторического опровержения норвежских территориальных притязаний, в конце публикации А. Подвысоцкий, цитируя работу антрополога Й.А. Фрииса и статью шведско-норвежского посланника М.О. Бьорнштерны, отмечает, что норвежские притязания на округа были исторически необоснованны, а обретенные территориальные рубежи – справедливы³. Противоречия в изложении материала не мешали размышлениям А. Подвысоцкого из первой части статьи «о несправедливом разграничении» стать общепринятой интерпретацией истории разграничения двоеданных округов в российской дореволюционной и постсоветской историографии⁴.

Главная идея размышлений А. Подвысоцкого – это утверждение о том, что проблема спорных округов – надуманная: она возникла в 1822 году ввиду жалоб русских лопарей и умело использовалась норвежцами для отторжения российских земель в 1826 году.

Методологическим недостатком публикации 1877 года стала попытка автора понять мотивы центральных и региональных властей на основе достаточно узкого круга источников.

Эмпирический подход к интерпретации источников сделал Подвысоцкого пленником представлений регионально-локальных акторов о разграничении и пограничном пространстве.

Воспринимая эти источники как неопровержимое объективное свидетельство, исследователь, очевидно, был уверен, что проблема промысловых миграций норвежских лопарей на территорию скольтов возникла незадолго до начала переговоров о разграничении, а главной причиной неудачного разграничения было отстранение архангельской администрации от процесса пограничных переговоров летом 1825 и 1826 годов между норвежскими (Й.Х. Спорк, Ф.В. Мейландер) и русским (В.Е. Галямин) комиссарами, откомандированными для разработки совместного проекта делимитации границы. Именно отстранение региональной администрации от переговорного процесса, по мнению А. Подвысоцкого, послужило причиной сопротивления региональной власти, которое нашло выражение в инициативах гражданского губернатора И.Я. Бухарина, в 1828 году пытавшегося инициировать пересмотр пограничной конвенции⁵.

Дальнейшие исторические исследования по проблеме разграничения появились только в XX веке. Перерыв объясняется спецификой развития отечественной исторической науки в начале XX века: происходит постепенный сдвиг исследовательской парадигмы от написания генерализирующей истории российского государства и русского народа к написанию региональной истории. На Архангельском Севере это нашло отражение в деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера, целью которого было исследование истории

³[А.П.] Русско-норвежское пограничье // Арханг. губ. вед. 1877. № 96. С. 6–7; № 97. С. 5–6; № 98. С. 3–4; № 99. С. 5–6; № 100. С. 6–7; № 101. С. 3–4; № 102. С. 6–7.

⁴Гебель Г.Ф. Наша северо-западная окраина – Лапландия // Рус. судоходство. 1904. № 10(270). С. 66–73; 1905. № 4(276). С. 73–92; 1905. № 6(278). С. 74–89; 1905. № 7(279). С. 72–85; 1905. № 8(280). С. 82–105; 1905. № 10(282). С. 103–134; Козмин К. К вопросу о русско-норвежской границе // Изв. Арханг. о-ва изучения Рус. Севера. 1913. № 17. С. 769–776; Каарань А. К истории русского Севера: Русско-норвежские отношения // Изв. Арханг. о-ва изучения Рус. Севера. 1910. № 11. С. 21–33; № 12. С. 21–31. См. также: [3].

⁵[А.П.] Русско-норвежское пограничье. См. также: [4, с. 5–6; 5, с. 3–4].

региона. Одним из результатов деятельности общества стало появление цикла работ о разграничении русско-норвежской границы.

Среди первых исследователей истории российско-норвежского пограничья начала XX века был Г.Ф. Гебель, развивавший концепцию несправедливого разграничения. Главными причинами неудачного межевания границы он считал безразличное и легкомысленное отношение российского МИДа первой половины XIX века и подполковника В.Е. Галямина к разграничению⁶. Г.Ф. Гебель полагал, что двоеданный статус округов установился лишь в конце XVI – начале XVII века и норвежское право сбора налогов не имело ничего общего с политическим суверенитетом над оспариваемой территорией⁷. Эту гипотезу исследователь сформулировал после достаточно механической подгонки текста отчета Архангельского губернского правления (АГП) от ноября 1824 года под размытые формулировки о границе из договоров 1326 и 1596 годов⁸.

Г.Ф. Гебель считал, что описанные в Тязвинском мирном договоре границы совпадают с границами, указанными в отчете 1824 года. Упустив тот факт, что указанный договор касался межевания границ только между Россией и Швецией (Норвегия тогда не входила в состав Шведского королевства), автор сослался на конкретизацию государственных границ, не указанных в договоре 1326 года между Новгородом и Норвегией. Таким образом получалось, что спорных округов не существовало уже с 1326 года. Также Г.Ф. Гебель утверждал, что норвежско-шведский посланник Н.Ф. Пальмшерн смог добиться «пересмотра границы» посредством хитрого маневра: дипломат убедил русских чиновников, что р. Паесь, считавшаяся границей в Архангельске, и р. Паз, предложенная шведским дворяном, – это не разные географические объекты,

а один и тот же. Отметим, что данное предположение историка сделано лишь на основании его уверенности в достоверности фактов отчета АГП от 1824 года, которые он не подверг внутренней критике и не сравнил с географическими картами российско-норвежского пограничья.

Следующий историк-краевед, Н. Голубцов, дополнил предшественников рассуждениями об аномальном характере установленной границы с точки зрения норм международного права и саамских обычаев. Он считал, что русско-шведская конвенция 1826 года «О границах между Россией и Норвегией в лапландских погостах» не соответствовала принципу естественных границ и формам территориальной организации саамских погостов⁹. Н. Голубцов справедливо заметил, что выгоды V и VII статей конвенции были несбалансированными и в большей степени отвечали интересам только Норвегии [6, с. 22–23]. Русские саами теряли промысловые права, в доказательство исследователь приводит данные совместной промысловой комиссии 1896 года [6, с. 36].

Н. Голубцов, так же как и его предшественники, не имея очевидных доказательств легитимации границ, указанных в отчетах АГП 1823–1824 годов, приступает к синтетической подгонке фактов средневековой истории, при этом демонстрирует явную противоречивость представленных доказательств. В начале публикации он соглашается с двоеданным характером владения округами и с тем, что в договоре 1326 года ни о какой политической границе речь не идет, но в заключительной части неожиданно объявляет, что граница существовала, повторяя этим самым гипотезу Г.Ф. Гебеля о тождественности договоров 1326 и 1596 годов.

Развивая эту мысль, Н. Голубцов предполагает, что попытки шведской стороны в 1823 году

⁶Гебель Г.Ф. Указ. соч. // Рус. судоходство. 1904. № 10(270). С. 77–78.

⁷Там же. С. 76.

⁸Там же. С. 77.

⁹Исследователь полагал, что границы должны были идти по естественным рубежам, в то время как российско-норвежская граница имела существенный искусственный выступ в юго-восточном направлении [6, с. 23].

избежать исторической аргументации при решении вопроса указывают на то, что Норвегия осознавала нелегитимность своих территориальных притязаний в историческом контексте. Поэтому доминирование ее позиции во время переговоров стало возможно лишь по причине попустительства российских центральных властей [6, с. 14]. Таким рассуждением Н. Голубцов развивает концепцию несправедливого разграничения, которая в дальнейшем нашла отражение в работах А. Каарань¹⁰, Р.А. Давыдова [4, 5], В.Н. Никольского [7], М. Бородкина [8], В.В. Похлебкина [9], Б.В. Кристоман [10], Л.М. Повал [11].

Остальные отечественные дореволюционные работы по истории разграничения 1822–1826 годов во многом повторяют предположения А. Подвысоцкого, Г.Ф. Гебеля и Н. Голубцова. Основным их отличием является акцент на следующих вопросах: кто виноват в несправедливом разграничении и каковы мотивы виновников. Исследователи пытались решить эти вопросы посредством доступных материалов – легенд лопарей и дел губернского архива. Чрезмерный эмпиризм публикаций, естественно, привел к гипертрофированному восприятию пограничной политики центральных властей.

Так, историк Н. Чулков распространил идею о подкупе подполковника В.Е. Галямина, возлагая на него вину за неудачное разграничение. В.Н. Никольский полагал, что в одинаковой с В.Е. Галыминым степени виноват «сын австрийского авантюриста», глава МИД Российской империи вице-канцлер К.В. Нессельроде, курировавший переговоры [7, с. 4–5]. Такой позиции придерживались и постсоветские исследователи В.В. Похлебкин и Р.А. Давыдов, добавляя к этому «хитроумную» игру шведского посланника Н.Ф. Пальмшерны, обманувшего императора [5, с. 19]. Р.А. Давыдов, хоть и не был согласен с мнением о подкупе подполковника В.Е. Галямина, в своих ранних работах все же обвинял офицера и центральные российские власти в несправедливом разграничении, ссылаясь на то,

что архангельскую администрацию «не допустили к проверке границы», а центр, в свою очередь, не провел «предварительного, серьезного исследования» [4].

Другой историк-краевед, К.А. Чудинов, вводя в научный оборот инструкции, данные подполковнику Галямину, цитирует этот документ отрывочно: только часть, где полковнику вменяется «не отдавать тех мест, обитаемых нашими жителями» [12, с. 17]. Указанным отрывком он «документально» подкрепляет позицию о небрежном разграничении. Более изощренный путь выбрала историк-правовед из г. Петрозаводска В.В. Ефимова, предположившая, что «дистанцирование» Галямина от архангельской администрации могло быть продиктовано какими-то специальными и секретными предписаниями правительства. Таким образом она заложила конспиративную теорию [13, с. 71], хотя известно, что более обстоятельный труд шведского историка К.Ф. Пальмшерны начала XX века во многом опровергает эти гипотезы дореволюционных и современных отечественных исследователей [14, с. 231–232]. По субъективным причинам эта монография до сих пор не используется российскими историками для реконструкции переговорного процесса.

Прогрессом в российской нордистике было частичное опровержение идеи о «продажности и небрежности» В.Е. Галямина в публикациях профессора Института всеобщей истории РАН В.В. Рогинского, основанных на документах центральных архивов – инструкциях Александра I и вице-канцлера К.В. Нессельроде [1, с. 65–66; 15, с. 27–29]. Эти документы иллюстрируют противоречивость инструкций, данных Галямину: их внутреннее несоответствие друг другу свело к минимуму возможность удачного исхода переговоров для русских лопарей. Так эти инструкции характеризуют и норвежские историки С. Викан [16, с. 54–55] и А. Андресен [17, с. 33].

Остаются открытыми вопросы о деятельности В.Е. Галямина в период подготовки делимитационного проекта летом 1825 года

¹⁰Каарань А. Указ. соч.

и демаркации границы летом 1826 года. В научной литературе не исследована позиция подполковника по целому спектру вопросов, которые он обсуждал с норвежскими комиссарами в 1825–1826 годах: положение пограничной линии; его восприятие лопарских промыслов; позиция в отношении промысловых прав после делимитации границы; не изучена реакция непосредственного начальства В.Е. Галямина, а также вице-канцлера К.В. Нессельроде, императоров Александра I и Николая I на внесенные им предложения. Без этих данных невозможно произвести реконструкцию переговорного процесса на его финальном этапе в 1825–1826 годах.

В концептуальном плане из дореволюционных исследований стоит отметить работу В.Н. Никольского. Автор, проведя внешние параллели между разграничением 1826 года и проблемой продажи семужьих тоней пазрецих лопарей Норвегии 1906–1912 годов, утверждает, что центральной линией внешнеполитической стратегии Королевства в отношении Русского Севера было отторжение земель, которому долговременно способствовала безразличная и примирительная политика российских властей [7, с. 4–9]. Через это рассуждение автор заложил основы концепции «норвежской угрозы», получившей развитие в ряде работ постсоветской нордистики.

Ревизионистский характер дореволюционных публикаций по отношению к оценке итогов разграничения российско-норвежского фронта в 1822–1826 годах, акцентирование внимания на влиянии, оказанном границей 1826 года на последующее хозяйственное развитие региона, являются важными показателями изменений в восприятии территориального пространства Российской империи на региональном уровне. Дореволюционные труды построены в традициях эмпирической методологической школы, поэтому носят довольно подробный описательный характер, без серьезного с точки зрения позитивизма источниковедческого анализа и исследования эволюции русско-норвежского пограничья.

Историки, краеведы изучали прошлое границы через призму ее настоящего. Это, конечно, было хорошо для политической мобилизации региона, обоснования его политико-экономических интересов, но привело к довольно синтетическому экстраполированию современного авторам представления о границе и территориальной политике государства на оценку поведения властей начала XIX века. Тем не менее выраженные в дореволюционных исследованиях стремления к актуализации проблемы эффективного контроля и управления северной границей, а также ее интеграции в пространство Российской империи и систему ее национальных интересов позволяют рассматривать дореволюционные исследования как важный исторический источник, который дает возможность определить механизм эволюции представлений региональной элиты и общественности о территориальности и северной границе.

После 1917 года тема российско-норвежского пограничья долгое время оставалась неразработанной. Это можно объяснить геополитическими изменениями на крайнем севере Европы. В 1920 году бывшая российско-норвежская граница стала норвежско-финской и часть русского пограничья в районе р. Печенги и полуострова Рыбачьего отошла к Финляндии. После Великой Отечественной войны Советский Союз вернул утраченные территории и в 1947 году признал государственной границей с Норвегией линию, установленную конвенцией 1826 года. В этих условиях советской власти не нужны были ревизионистские публикации, поскольку они могли вызвать в Норвегии двоякую трактовку советской внешней политики.

В советский период исследователи высказывали сдержанную оценку конвенции, ограничиваясь исторической констатацией этого факта. Они полагали, что трактат 1826 года был фактором стабилизации и налаживания добрососедства между Норвегией и Россией [18, с. 234–237]. Особняком стоят публикации В.В. Похлебкина [9], И.П. Шаскольского [19, с. 38–61; 20, с. 63–71], В.М. Пасецкого [21, с. 76], П.Э. Бациса [22].

И.П. Шаскольский, знакомый с работами А. Подвысоцкого, Г.Ф. Гебеля и А. Каарана, развивал идею о существовании четкой политической границы Норвегии и России уже в эпоху феодальной раздробленности. В доказательство он приводил договор 1326 года между Новгородом и Норвегией, упоминаемый в скандинавских сагах [19, 20]. Эта гипотеза советского медиевиста была подвергнута критике и опровергнута в работе датского историка Дж. Х. Линда, подтвердившего позицию норвежских историков П.А. Мунка и О.А. Йонсена о существовании лишь границ общего фискального округа, закрепленных договором 1326 года [23]. В России мнение медиевиста Дж. Х. Линда поддерживает историк П.В. Федоров, точка зрения которого отличается от доминирующей в нордистике [24, с. 58–61].

Большинство современных отечественных исследователей, затрагивающих в своих работах эпизод установления российско-норвежской границы 1822–1826 годов, придерживается позиции И.П. Шаскольского. В этот контекст удачно встраивается концепция долговременной норвежской экспансии, сформулированная А. Подвысоцким и В.Н. Никольским. В таком ключе проблема общих округов освещена в публикациях В.В. Похлебкина [9], Б.В. Кристоман [10], Л.М. Повал [11], В.В. Ефимовой [13] и А.С. Касиян [25].

Из работ советского периода отдельного внимания заслуживают труды П.Э. Бациса [22] и В.В. Похлебкина [26]. С источниковедческой позиции важно введение ими в научный оборот документов, касающихся переговоров о признании суверенитета Норвегии и статусе Шпицбергена в начале XX века. Некоторые из этих документов свидетельствуют о том, что позиция российского МИДа в отношении пограничного договора 1826 года к началу XX века существенно изменилась. По крайней мере часть

дипломатического корпуса поддерживала ревизионистские настроения общественности Русского Севера и пыталась выяснить позицию Норвегии о возможном пересмотре итогов разграничения 1826 года посредством обоюдого территориального обмена [22, 26].

В исследованиях постсоветских историков А.С. Касиян и Д.А. Ермолаева эти неофициальные предложения и мнения трактуются как изменение позиции России в отношении пограничного договора в целом [25, с. 143–148; 27, с. 46–48]. Оба историка основной причиной изменения дипломатической линии России называют изменение приоритетов центральных властей, осознание стратегического положения русского пограничья [25, с. 143–144; 27, с. 46–48].

Д.А. Ермолаев подчеркивает, что к концу XIX века российская власть подошла к осознанию уязвимости пограничья ввиду норвежского и финского иммиграционных потоков [27, с. 48–52]. Проводя параллели с политикой норвегизации¹¹, он утверждает, что Норвегия, Великое княжество Финляндское и Россия во второй половине XIX – начале XX века вели целенаправленную борьбу за территорию Западного Мурмана посредством инструментария миграционной и культурной политики [27, с. 53–56]. Постулируя это, исследователь, однако, не приводит внятных доказательств того, что техники регулирования этнического пространства были одним из целенаправленных инструментов российской пограничной политики.

Из ряда современных отечественных исследователей стоит выделить Б.В. Кристоман, Р.А. Давыдова и В.В. Ефимову. Их труды внесли вклад в разработку отдельных аспектов процесса реконструкции истории разграничения и проблемы лопарских промыслов в контексте российско-норвежских отношений второй половины XIX – начала XX века.

¹¹Политика норвегизации – комплекс мер в сфере образовательной, религиозной и инфраструктурной политики норвежского правительства второй половины XIX века, направленных на этническое поглощение приграничной территории Восточного Финнмарка, включавшее попытку ассимиляции мигрантов с приграничных территорий Российской империи (финнов и лопарей).

Б.В. Кристоман акцентировала внимание на влиянии научных исследований на формирование пограничной политики российских властей. Она указала, что одобрение Николаем I проекта разграничения Галямина–Спорка могло быть связано с изменением геополитических приоритетов России с северного на южное направление [10, с. 59–60]. Эти выводы важны для переоценки ролей большой политики и научного знания, их влияния на формирование территориальной политики России начала XIX века. Однако отметим, что в остальном Б.В. Кристоман посредством компиляции данных из источников, относящихся к различным пространственно-временным периодам, формулирует ложные представления о хронологии событий и деятельности центральных политических субъектов.

В частности, материалы доклада АГП от 1828 года и предположения историка В.В. Похлебкина исследователь приписывает отчету губернатора С.И. Миницкого от 1824 года [10, с. 52–53]. События, связанные с переговорами о продаже тоней русских лопарей начала XX века, относит к документам переговоров 1834 года о пролонгации действия VII статьи конвенции [10, с. 58]. Не обладая достаточной источниковой базой, позволяющей судить о позиции центральных властей Норвегии и России, автор пытается реконструировать логику внешней политики российских соседей посредством экстраполирования конструкций классической геополитики эпохи Ф. Ратцеля и К. Хаусхофера конца XIX – начала XX века [10, с. 59, 98].

В итоге Б.В. Кристоман настаивает на факте существования в России в первой половине XIX века стремления к мировому лидерству как долговременной внешнеполитической доктрины в отношении северных соседей. В этом контексте переговоры о разграничении северных территорий она объясняет стремлением России сформировать стратегический альянс «Северный Аккорд» [10, с. 47–49]. Стоит отметить, что данные выводы автора не находят подтверждения ни в одном письменном свидетельстве и являются виртуальной конструкцией.

В диссертационном исследовании Р.А. Давыдова заслуживают внимания материалы, посвященные редемаркации пограничной линии и спорам о принадлежности пограничных островов периода 1840–60-х годов XIX века, которые свидетельствуют о пассивности российских властей в отношении организации контроля над российско-норвежской границей во второй половине XIX века [4]. Изучив данные о промысловых спорах русских лопарей 60–70-х годов XIX века комиссии 1896 года и региональных документов, относящихся к вопросу о продаже лопарских тоней, Р.А. Давыдов замечает, что объективным фактором наблюдаемого им сокращения лопарских промыслов на норвежской территории был рост экономического и промыслового освоения пограничья с норвежской стороны, субъективным – пассивная позиция российских властей Кольского полуострова, не соблюдавших правил дополнительного протокола 1834 года. Бездействие чиновничества способствовало отторжению промысловых мест русских лопарей. Это, по мнению исследователя, подтолкнуло Норвегию к идее покупки норвежских тоней русских лопарей в начале XX века [28, с. 44–50].

В.В. Ефимова в статье, посвященной истории разграничения 1826 года, акцентировала внимание на роли архангельского корпуса губернаторов в процессе установления российско-норвежской границы 1822–1826 годов [13]. Исследователь, отметив ряд недостатков и неточностей в работах предшественников, реконструировала точную картину процесса принятия решений на региональном уровне, подчеркнув значительную роль губернского правления и губернаторского корпуса при выработке решений. Наибольшее внимание она уделяет губернаторам А.Ф. Клокачеву, С.И. Миницкому и И.Я. Бухарину. Бездействие второго на этапе принятия решения о демаркации границы она объясняет психологическим фактором: страхом С.И. Миницкого перед возможными репрессиями царя [13, с. 73].

Подводя итог анализу пограничного вопроса в отечественной историографии, необходимо

подчеркнуть очевидную схожесть в подходах дореволюционных и современных исследователей в оценке конвенции 1826 года и ее влияния на развитие региона. Если суммировать все выводы ученых, то их можно рассмотреть в рамках концепции «несправедливой границы», которая доминирует в наши дни в отношении указанной конвенции.

Историки прошлого и настоящего пытались понять, почему граница, установленная в 1826 году, имела довольно странную конфигурацию, а также обосновать и защитить интересы русских подданных лопарей, поморов, права которых ущемлялись итоговой версией конвенции. В этом краеведы (большинство исследователей, за исключением В.В. Рогинского, А.С. Касиян и В. Похлебкина, представляли и представляют региональные – архангельскую, Мурманскую и Петрозаводскую – исторические школы) сделали очень многое, особенно в плане изучения и введения в научный оборот регионального архивного материала. Они довольно подробно представили позицию региональной элиты и местного населения, недовольных итогами разграничения, определили в широкой пространственной перспективе последствия разграничения и дальнейший характер пограничной политики российских властей.

Однако их работы изобилуют рядом существенных недостатков. Самым главным среди них является то, что центральные российские и норвежские архивы до сих пор мало привлекаются отечественными историками для анализа пограничного вопроса, и это сильно сказывается на оценке исторической действительности, способствуя порой чрезмерно негативному восприятию центральных акторов разграничения, отсутствию объективной оценки позиции Норвегии в вопросе разграничения.

Норвежские исследования демонстрируют достаточно большой плюрализм мнений в отношении того, где бы могла быть расположена российско-норвежская граница. Публикации историков К.Ф. Пальмшерны [14], С. Виккана [16], Й.П. Нильсена [29–31], Э. Ниemi [32], О.А. Йонсена [33], А. Андресен [34] подчеркивают, что

локальные интересы норвежских подданных не были так органично сплетены с национальными, как это представлено в отечественных исследованиях. В Норвегии, как и в России, была значительная внутренняя асимметрия восприятия пограничного пространства.

В подавляющем большинстве отечественных трудов вопрос о статусе «общих округов» выглядит надуманной проблемой соседствующих держав, стремящихся к территориальным экспансиям на Русский Север. Не вникая в дипломатическую предысторию XVIII – первой трети XIX века, исследователи, за исключением В.В. Рогинского, излагают проблему разграничения начиная с 1822 года, игнорируя историческую преемственность с предыдущим столетием. В данном контексте описываемый историками период находится вне общей пространственно-временной событийности XVIII и начала XIX века.

Историки восполняют этот пробел довольно синтетической преемственностью событий XIV–XVII веков событиями начала XIX века, однако в XIV–XVII веках отношения между Норвегией и Россией, природа политической власти и интерес власти к буферным зонам собственной территории были качественно иными, чем в начале XIX века. В такой упрощенной интерпретации доказательная база генерал-губернатора Архангельской губернии С.И. Миницкого, представленная в 1823–1824 годах в Санкт-Петербурге, выглядит с исторической позиции убедительной. Поясним, что генерал-губернатор поддержал предложения Кольского земского суда, защищавшего территориальные интересы коренных жителей, и в период с 1823 по 1826 год принял деятельное участие в отстаивании интересов жителей российско-норвежского пограничья в столице.

Опора только на один пласт источников, представленный в доказательной базе генерал-губернатора, формирует представление о том, что Норвегия не имела легитимных притязаний на спорное пространство и Кольский полуостров, что опровергает целый комплекс документов из российских центральных и региональных архивов, а также фундаментальная

работа норвежского историка О.А. Йонсена первой половины XX века.

70-летний перерыв в изучении темы пограничья также сказался на качестве современной методологии. Внезапное возрождение темы в рамках отечественной нордистики в 90-е годы XX века неизбежно привело к возврату дореволюционной ревизионистской концепции «несправедливой границы», доминированию эмпирической методологии и зачастую к простому реферированию дореволюционных работ. Образ прошлого как в дореволюционной, так и в постсоветской историографии выглядит скорее осовремененной конструкцией представлений чиновников начала XIX столетия о границе и территориальности, чем реконструкцией.

Исследователи повсеместно экстраполируют категории более «поздней современности», в частности рассматривают национальные и геополитические интересы для оценки мотивов поведения акторов эпохи, хотя в то время не существовало даже представления о данных категориях. Анализируя разграничение

в контексте истории российско-норвежских отношений, современные отечественные исследователи используют традиционный политико-географический подход и рассматривают либо дипломатический, т. е. межгосударственный уровень решения проблемы, либо пытаются рассмотреть вопрос разграничения территориального пространства лишь в сугубо политико-экономической плоскости. За пределами исследовательского поля остаются социокультурное пространство пограничья, процессы на локальном уровне, которые формировали предпосылки для той конфигурации российско-норвежской границы, которую она имеет с 1826 года.

Резюмируя результаты обзора отечественной историографии, важно подчеркнуть отсутствие в современной исторической нордистике комплексной картины, представляющей процесс эволюции российско-норвежского пограничья от территории с фронтальной конфигурацией политических рубежей в XIII – начале XIX века до пространства с герметичными политическими границами в XX веке.

Список литературы

1. *Roginsky V.V.* The 1826 Delimitation Convention Between Norway and Russia: A Diplomatic Challenge // *Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders* / ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow: Languages of Slavonic Culture, 2005. P. 162–168.
2. *Zaikov K.* The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: The Interpretation and Perceptual Problems // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42, № 4. P. 1164–1172.
3. *Чулков Н.* К истории разграничения России с Норвегией. М., 1901.
4. *Давыдов Р.А.* Архангельская губерния и Северная Норвегия в 1826–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1998. 241 с.
5. *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман. Очерки истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 221 с.
6. *Голубцов Н.* К истории разграничения России с Норвегией. Архангельск, 1910.
7. *Никольский В.Н.* На русско-норвежской границе. Архангельск, 1914.
8. *Бородкин М.* История Финляндии. Время императора Николая I. СПб., 1915.
9. *Похлебкин В.* Россия первой признала норвежскую независимость // *Междунар. жизнь*. 1997. № 5. С. 48–61.
10. *Кристоман Б.Б.* История научно-промышленного освоения Европейского Севера в контексте политических интересов Российской Империи в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003. 199 с.
11. *Повал Л.М.* Российско-норвежские соглашения о разделе арктических пространств // *Арктика и Север*. 2012. № 6. URL: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php?ELEMENT_ID=33855 (дата обращения: 15.10.2012).
12. *Чудинов К.А.* Конвенция о русско-норвежской границе 1826 г. // *Россия и Норвегия. История и культура: тез. докл. и сообщ. на конф. «Норвежско-русские отношения, 1814–1917. История и культура»*, г. Тромсё, Норвегия, 6–8 ноября 1992 года / сост. и науч. ред. А.А. Куратов. Архангельск: Помор. гос. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1992. С. 16–19.

13. *Ефимова В.В.* Генерал-губернаторы Европейского Севера и русско-норвежская конвенция 1826 г. // Живущие на Севере: альм. Мурман. гос. гуманитар. ун-та. 2010. Вып. 1. С. 65–78.
14. *Palmstierna C.F.* Sverige, Ryssland och England 1833–1855. Kring Novembertraktatens Förutsättningar. Stockholm, 1932.
15. *Рогинский В.В.* Конвенция 1826 г. о разграничении между Норвегией и Россией как дипломатическая проблема // Вестн. «Баренц-центра» МГПУ. 2008. № 7. С. 25–30.
16. *Wikan S.* Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995.
17. *Andresen A.* Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes: Sør-Varanger Museum, 1989.
18. *Ушаков И.Ф.* Кольская земля: очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Мурман. кн. изд-во, 1972. 672 с.
19. *Шаскольский И.П.* Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 38–61.
20. *Шаскольский И.П.* Русско-норвежский договор 1326 года // Скандинавский сборник. Таллин, 1970. Т. 15. С. 63–71.
21. *Пасецкий В.М.* В погоне за тайной века / под ред. С.Б. Окуня. Л.: Гидрометеиздат, 1967. 310 с.
22. *Бацис П.Э.* Русско-норвежские отношения в 1905–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 26 с.
23. *Линд Дж.Х.* «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. URL: <http://norse.ulver.com/articles/lind/delimit.html> (дата обращения: 19.09.2017).
24. *Федоров П.В.* Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв.: моногр. Мурманск: МГПУ, 2009. 392 с.
25. *Касиян А.С.* Лапландский вопрос в российско-норвежских отношениях: разграничение 1826 г. и его последствия в начале XX в. // Международные отношения на Севере Европы и Баренц-регион: история и историография: материалы рос.-норв. семинара, г. Мурманск, 19–20 мая 2007 года / отв. ред. Ю.П. Бардилова. Мурманск: МГПУ, 2008. С. 141–149.
26. *Похлебкин В.В.* Признание Россией норвежского независимого государства: (Сборник документов). М.: Соцэкгиз, 1958. 106 с.
27. *Ермолаев Д.А.* Приграничные отношения в районе Западного Мурмана во второй половине XIX – начале XX веков. Проблемы границы и колонизации // Вестн. «Баренц-центра» МГПУ. 2006. № 5. С. 45–59.
28. *Давыдов Р.А.* Промыслы российских лопарей в контексте российско-норвежских отношений (XIX – начало XX в.) // Баренц-журн. 2007. № 1(5). С. 42–53.
29. *Нильсен Й.П., Зайков К.С.* Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне // Арктика и Север. 2012. № 5. URL: <http://narfu.ru/upload/iblock/854/6.pdf> (дата обращения: 19.09.2017).
30. *Nielsen J.P.* The Russia of the Tsar and North Norway. “The Russian Danger” Revisited // Acta Borealia. 2002. Vol. 19, № 1. P. 75–92.
31. *Nielsen J.P.* Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General // Russia–Norway. Physical and Symbolic Borders / ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. P. 7–16.
32. *Niemi E.* Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // Grenser og grannelag i Nordens historie / red. S. Imsen. Oslo, 2005. S. 387–415.
33. *Johnsen O.A.* Finmarkens politiske historie, aktmæssig fremstillet. Kristiania, 1923.
34. *Andresen A.* States Demarcated – People Divided: the Skoltis and the 1826 Border Treaty // Russia–Norway. Physical and Symbolic Borders / ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. P. 80–104.

References

1. Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention Between Norway and Russia: A Diplomatic Challenge. Jackson T.N., Nielsen J.P. (eds.). *Russia–Norway. Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005, pp. 162–168.
2. Zaikov K. The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: The Interpretation and Perceptual Problems. *Bylye Gody*, 2016, vol. 42, no. 4, pp. 1164–1172.
3. Chulkov N. *K istorii razgranicheniya Rossii s Norvegiyey* [On the History of Border Delimitation Between Norway and Russia]. Moscow, 1901.
4. Davydov R.A. *Arkhangel'skaya guberniya i Severnaya Norvegiya v 1826–1914 gg.* [The Arkhangelsk Province and Northern Norway in 1826–1914]. Arkhangelsk, 1998. 241 p.
5. Popov G.P., Davydov R.A. *Murman. Oчерki istorii kraja XIX – nachala XX v.* [Murman. Essays on the Region's History of the 19th and Early 20th Centuries]. Yekaterinburg, 1999. 221 p.

6. Golubtsov H. *K istorii razgranicheniya Rossii s Norvegiyey* [On the History of Border Delimitation Between Norway and Russia]. Arkhangelsk, 1910.
7. Nikol'skiy V.N. *Na russko-norvezhskoy granitse* [On the Russian-Norwegian Border]. Arkhangelsk, 1914.
8. Borodkin M. *Istoriya Finlyandii. Vremya imperatora Nikolaya I* [The History of Finland. The Rule of Emperor Nicholas I]. St. Petersburg, 1915.
9. Pokhlebkina V. Rossiya pervoy priznala norvezhskuyu nezavisimost' [Russia Was the First to Recognize Norway's Independence]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1997, no. 5, pp. 48–61.
10. Kristoman B.B. *Istoriya nauchno-promyslovogo osvoeniya Evropeyskogo Severa v kontekste politicheskikh interesov Rossiyskoy Imperii v XIX – nachale XX vv.* [The History of Scientific and Commercial Development of the European North in the Context of Political Interests of the Russian Empire in the 19th and Early 20th Centuries]. Arkhangelsk, 2003. 199 p.
11. Poval L.M. *Rossiysko-norvezhskie soglasheniya o razdele arkticheskikh prostranstv* [Russian-Norwegian Agreement About the Division of the Arctic Space]. *Arktika i Sever*, 2012, no. 6. Available at: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php?ELEMENT_ID=33855 (accessed 15 October 2012).
12. Chudinov K.A. Konventsiya o russko-norvezhskoy granitse 1826 g. [Russian-Norwegian Border Treaty of 1826]. Kuratov A.A. (ed.). *Rossiya i Norvegiya. Istoriya i kul'tura* [Russia and Norway. History and Culture]. Arkhangelsk, 1992, pp. 16–19.
13. Efimova V.V. General-gubernatory Evropeyskogo Severa i russko-norvezhskaya konventsiya 1826 g. [The Governors-General of the European North and the Russian-Norwegian Treaty of 1826]. *Zhivushchie na Severe: al'manakh Murmanskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2010, no. 1, pp. 65–78.
14. Palmstierna C.F. *Sverige, Ryssland och England 1833–1855. Kring Novembertraktatens Förutsättningar*. Stockholm, 1932.
15. Roginskiy V.V. Konventsiya 1826 g. o razgranichenii mezhdru Norvegiy i Rossiey kak diplomaticheskaya problema [1826 Convention on Border Delimitation Between Norway and Russia as a Diplomatic Issue]. *Vestnik "Barents-tsentra" MGPU*, 2008, no. 7, pp. 25–30.
16. Wikan S. *Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene*. Svanvik, 1995.
17. Andresen A. *Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826*. Kirkenes, 1989.
18. Ushakov I.F. *Kol'skaya zemlya: ocherki istorii Murmanskoy oblasti v dooktyabr'skiy period* [The Kola Land: Essays on the History of the Murmansk Region During the Pre-Revolutionary Period]. Murmansk, 1972. 672 p.
19. Shaskol'skiy I.P. Dogovory Novgoroda s Norvegiyey [Agreements Between Novgorod and Norway]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. Moscow, 1945. Vol. 14, pp. 38–61.
20. Shaskol'skiy I.P. Russko-norvezhskiy dogovor 1326 goda [The 1326 Russian-Norwegian Agreement]. *Skandinavskiy sbornik* [Scandinavian Collection]. Tallinn, 1970. Vol. 15, pp. 63–71.
21. Pasetskiy V.M. *V pogone za taynoy veka* [Chasing the Mystery of the Century]. Leningrad, 1967. 310 p.
22. Batsis P.E. *Russko-norvezhskie otnosheniya v 1905–1917 gg.* [Russia–Norway Relations in 1905–1917]. Moscow, 1973. 26 p.
23. Lind J.H. "Razgranichitel'naya gramota" i novgorodsko-norvezhskie dogovory 1251 i 1326 gg. ["Delimitation Charter" and Novgorod-Norwegian Agreements of 1251 and 1326]. Available at: <http://norse.ulver.com/articles/lind/delimit.html> (accessed 19 September 2017).
24. Fedorov P.V. *Severnyy vektor v rossiyskoy istorii: tsentr i Kol'skoe Zapolyar'ye v XVI–XX vv.* [Northern Vector in Russian History. The Centre and the Kola Peninsula in the 16th – 20th Centuries]. Murmansk, 2009. 392 p.
25. Kasiyan A.S. Laplandskiy vopros v rossiysko-norvezhskikh otnosheniyakh: razgranichenie 1826 g. i ego posledstviya v nachale XX v. [The Lapland Question in Russia–Norway Relations: The 1826 Demarcation and Its Consequences in the Early 20th Century]. Bardileva Yu.P. (ed.). *Mezhdunarodnye otnosheniya na Severe Evropy i Barents-region: istoriya i istoriografiya* [International Relations in Northern Europe and the Barents Region: History and Historiography]. Murmansk, 2008, pp. 141–149.
26. Pokhlebkina V.V. *Priznanie Rossiey norvezhskogo nezavisimogo gosudarstva* [Russia's Recognition of Norway's Independence]. Moscow, 1958. 106 p.
27. Ermolaev D.A. Prigranichnye otnosheniya v rayone Zapadnogo Murmana vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov. Problemy granitsy i kolonizatsii [Border Relations in the Area of West Murman in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Delimitation and Colonization Issues]. *Vestnik "Barents-tsentra" MGPU*, 2006, no. 5, pp. 45–59.

28. Davydov R.A. Promysly rossiyskikh loparey v kontekste rossiysko-norvezhskikh otnosheniy (XIX – nachalo XX v.) [Russian Lappers' Fishing and Hunting in the Context of Russia–Norway Relations (19th and Early 20th Centuries)]. *Barents-zhurnal*, 2007, no. 1, pp. 42–53.

29. Nielsen J.P., Zaykov K.S. Norvezhsko-rossiyskoe arkticheskoe pogranich'ye: ot obshchikh okrugov k Pomorskoy zone [The Norwegian-Russian Arctic Borderland: From the Common Districts till Pomor Zone]. *Arktika i Sever*, 2012, no. 5. Available at: <http://narfu.ru/upload/iblock/854/6.pdf> (accessed 19 September 2017).

30. Nielsen J.P. The Russia of the Tsar and North Norway. “The Russian Danger” Revisited. *Acta Borealia*, 2002, vol. 19, no. 1, pp. 75–94.

31. Nielsen J.P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General. Jackson T.N., Nielsen J.P. (eds.). *Russia–Norway: Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005, pp. 7–16.

32. Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid. Imsen S. (ed.). *Grenser og grannelag i Nordens historie*. Oslo, 2005, pp. 387–415.

33. Johnsen O.A. *Finmarkens politiske historie, aktmæssig fremstillet*. Kristiania, 1923.

34. Andresen A. States Demarcated – People Divided: The Skolts and the 1826 Border Treaty. Jackson T.N., Nielsen J.P. (eds.). *Russia–Norway: Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005, pp. 80–104.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.2.27

Konstantin S. Zaykov

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnogo Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: k.zaikov@narfu.ru

RUSSIAN-NORWEGIAN BORDERLAND IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE 19th – EARLY 21st CENTURIES

This paper provides an overview of Russian studies of the 19th – early 21st centuries on the history of Russian-Norwegian borderland in the 18th – early 20th centuries. The author found that the prevalence of empirical positivism in describing the history of march demarcation produced rather firm and one-sided interpretations of the process of delimitation in the works written in the first half of the 20th century. Viewing the state as an a priori objective phenomenon, historians and legal scholars regard the border as a static instrument of political power, thus ignoring the multidimensional nature of this phenomenon and the variability of its subjects. Russian historiography is dominated by the belief in Norway's pursuing a long-term historical strategy of eastward expansion in the direction of Russia. Keeping the current situation in mind, Russian historians excessively politicize their appraisals of the 1826 border convention, thus following in the footsteps of their early 20th-century predecessors. The history of demarcation in their research appears detached from the general course of the history of Russia–Norway relations in the 18th and 19th centuries, including the history of the region under study. With the exception of a small number of scholars, the overwhelming majority of historians chronologically narrow down the problem of march demarcation to the period of 1822–1826, which, in this context, lies outside the general spatiotemporal eventfulness of the 18th and early 19th centuries. The historians fill this gap with a somewhat synthetic continuity of the events of the 14th – 17th and early 19th centuries. Thus, the author comes to the conclusion that in terms of methodology this topic remains underdeveloped in Russian historiography and requires closer attention in order to reconstruct the history of the evolution of the Russian-Norwegian borderland from a frontier-like territory in the 13th – early 19th centuries to an area with clear political boundaries in the 20th century.

Keywords: *Russian historiography, Russia–Norway relations, Russian-Norwegian borderland.*

Поступила: 02.11.2017
Received: 2 November 2017

For citation: Zaykov K.S. Russian-Norwegian Borderland in Russian Historiography of the 19th – Early 21st Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 2, pp. 27–39. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.2.27